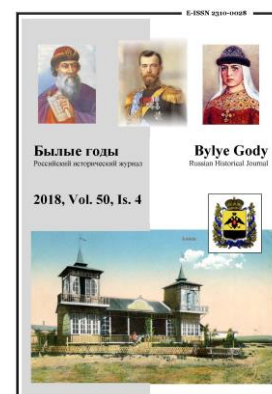

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1774-1783. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1774
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Strategy of Economic Adaptation of Unauthorized Migrants in the Altai Region during the Period of Stolypin Reforms

Viktor N. Razgon ^{a, *}

^a Altai State University, Russian Federation

Abstract

In the article, based on the analysis of the materials of the agricultural census of 1917, the strategy of economic adaptation of unauthorized migrants in the Altai District during the Stolypin reforms is disclosed.

One of the elements of this strategy was a more extensive economic use of arable land (mostly leased) compared to old residents and legal migrants. If the old residents half the arable land were left under the reservoir and the fallow, which in general corresponded to the traditional for Siberia system of agriculture, more than 2/3 of the arable land was occupied by unauthorized migrants under crops.

The strategy of economic adaptation of unauthorized settlers included active occupation of handicrafts that were scarce in Siberia (tailors, shoemakers, carpenters, etc.), as well as the use of such a method of survival in new natural and geographical conditions and the accumulation of funds as hiring for work in households of old-timers.

The author have come to the conclusion, that although the strategy of unauthorized migrants was dominated by the motives of survival, the growth in the economic capacity of their farms, as the residence time increased, indicates a positive dynamics of the process of their integration into a new habitat.

Keywords: peasantry, migrations, Stolypin reforms, adaptation, Siberia, Altai region.

1. Введение

К самовольным (непричисленным) переселенцам в исторической литературе относят мигрантов, переселившихся в Сибирь в обход официальных правил (без оформления необходимых документов на месте выхода, предварительного зачисления наделов на переселенческих участках или получения приемных приговоров от старожильческих обществ) и не получивших земельных наделов. В официальных документах они именовались «непричисленными», «неприписными», «безнадельными». Часть таких переселенцев устраивалась в старожильческих селениях в качестве «полетовщиков», другие арендовали или самовольно захватывали пустующие участки земли.

Алтайский округ являлся основным районом водворения направлявшихся в восточные регионы страны самовольных переселенцев, которых привлекало плодородие алтайских черноземных почв. По данным на середину 1910 г., из общего числа осевших в восточных регионах самовольных переселенцев 2/3 (224 тыс. из 335 тыс. душ м.п.) приходилось на Томский переселенческий район (Белянин, 2011: 102), в котором 97 % самовольцев поселилась на землях Алтайского округа (Шкунов, 1911: 126).

Реализация столыпинской политики массовых переселений в Сибирь привела к увеличению в регионе массы самовольных мигрантов. Так, из 80736 семейств непричисленных переселенцев, учтенных в 1910 г. в Томском переселенческом районе, 55270 семей (68,5 %) являлись переселенцами 1906–1909 гг. (Шкунов, 1911: 126).

При проведении землеустройства Алтайского округа (1899–1915 гг.) 198039 переселенцев (душ м.п.), непричисленных к крестьянским обществам получили земельные наделы, но оказались без

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

надела в ходе землеустройства 165969 душ м.п. ([Цифровые данные, 1916: 164](#)). Наличие в Алтайском округе большого количества непричисленных переселенцев обуславливалось постоянным пополнением этой категории мигрантов за счет притока в регион новых крестьян-мигрантов, привлекаемых благоприятными природными условиями для занятия земледелием. Расширению этой категории переселенцев в столыпинский период способствовали меры переселенческого ведомства по усилению контроля за ходом переселений посредством ограничения выдачи ходатайских свидетельств ([Разгон и др., 2013: 52–54](#)). Для самовольных переселенцев отказ от легального поселения на переселенческих участках в пользу водворения в старожильческие селения, пусть и на положении непричисленных, был обусловлен преимуществами, которые предоставляло переселение в населенные пункты с уже сложившейся инфраструктурой: возможность съема жилья, заработка, наличие социально-культурных объектов (школ, церквей и пр.). Многие самовольные мигранты селились в старожильческих обществах в надежде на получение земельных участков в процессе проводившегося в Алтайском округе землеустройства, направленного на отграничение крестьянского землепользования от кабинетских земель.

Изучение хозяйственной адаптации самовольных мигрантов на Алтае дает возможность не только конкретизировать и углубить представление о переселенческой политике правительства, реализуемой в период столыпинских реформ, но и оценить возможности адаптации в Сибири той части переселенцев, которая испытывала наибольший дефицит государственной поддержки, будучи лишенной льгот на проезд, возможности получения ссуд и земельных наделов. Данная категория мигрантов в наименьшей степени ориентировалась на меры государственного протекционизма, демонстрируя жизненную и хозяйственную самостоятельность, но вместе с тем испытывала наибольшие проблемы в социализации и хозяйственной адаптации в местах нового поселения.

2. Материалы и методы

Хозяйственная адаптация самовольных мигрантов в Алтайском округе исследуется автором на основе анализа сведений, содержащихся в базе данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.», сформированной на основе информации, извлеченной из подворных анкет сельскохозяйственной переписи 1917 года ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#)). База данных включает сведения о 13138 крестьянских домохозяйствах, отобранных на основе случайной 5-процентной выборки из 262760 хозяйств Барнаульского, Змеиногорского и Бийского уездов, подворные анкеты которых сохранились в фонде Алтайской земской управы государственного архива Алтайского края ([ГААК. Ф. 233](#)). Сохранившиеся анкеты охватывают более 2/3 (71,9 %) от общего числа учтенных в результате переписи 1917 г. крестьянских хозяйств Алтайской губернии (365594 тыс.). Хозяйства столыпинских переселенцев составили около 20 % от общего числа попавших в выборку хозяйств (2714 из 13138), что примерно соответствует удельному весу мигрантов столыпинского периода в общей численности крестьянского населения региона. Являющаяся объектом исследования в данной статье категория самовольных (непричисленных) переселенцев представлена в базе данных 491 хозяйством. База данных содержит также информацию о 4072 старожильческих хозяйствах и 4850 хозяйствах переселенцев, водворившихся в Алтайский округ в 1861–1906 гг.

Для структуризации информации, содержащейся в подворных анкетах сельскохозяйственной переписи 1917 г., применялись методы и технологии баз данных. База данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.», в основу структурирования которой была положена структура подворной анкеты, состоит из 19 таблиц, содержащих многоаспектную информацию о демографическом и экономическом состоянии крестьянских домохозяйств.

Для определения экономического состояния хозяйств самовольных переселенцев, форм и способов их адаптации к условиям хозяйствования в новой среде обитания, оценки результативности адаптационного процесса ко времени революции 1917 г. на основе информации, содержащейся в базе данных, автором использовались методы компьютеризованного статистического анализа.

Наличие в базе данных информации о крестьянских хозяйствах различных поселенческих групп предоставляет возможность для широкого применения сравнительно-исторического метода. Его использование позволило выявить особенности развития хозяйств самовольных переселенцев, определить специфику их адаптационной стратегии.

3. Обсуждение

В дореволюционный период проблемы крестьянской колонизации Сибири наиболее активно обсуждались в работах представителей либерального направления историографии, подвергавших критике переселенческую политику царского правительства с позиций необходимости рационализации колонизационного процесса ([Кауфман, 1908](#)), и авторов, критиковавших столыпинскую переселенческую политику с народнических позиций ([Огановский, 1914](#)).

В советский период важный вклад в изучение истории крестьянских переселений в Сибирь внесли Л.Ф. Скляров ([Скляров, 1962](#)), В.А. Степунин ([Степунин, 1962](#)), А.В. Минжуренко ([Минжуренко, 1982](#)), И.В. Островский ([Островский, 1991](#)), Е.И. Соловьева ([Соловьева, 1991](#)) и другие авторы. В историографии утверждается тезис о провале столыпинской переселенческой политики, а наличие в

Сибири большого числа непричисленных переселенцев, не имевших земельных наделов, рассматривалось как один из важных аргументов для доказательства этого тезиса (Алферов, 1958: 9–11).

В 1990–е – начале 2000–х гг. происходит смещение акцента в исследованиях от характерного для предыдущего историографического этапа преимущественного внимания к переселенческой политике правительства к изучению проблемы адаптации переселенцев в Сибири, в том числе и на Алтае. В работах историков и этнологов исследуется адаптация различных этнических групп в рамках переселенческого социума (Липинская, 1996; Гончарова, 2006; Коровушкин, 2006), характеризуются влияние природно-географических и социально-психологических факторов на процесс хозяйственной и социокультурной адаптации (Чуркин, 2006), механизмы и стратегии адаптации переселенцев (Шелегина, 2001; Ноздрин, 2007; Разгон и др., 2013). В статье Д.Н. Белянина характеризуется численность, состав и правовое положение переселенцев Западной Сибири, имевших статус «непричисленных» мигрантов. Автор приходит к выводу, что наличие в регионе большого числа таких переселенцев было не свидетельством «провала» столыпинской политики переселений, а отражением стремления крестьян-мигрантов к поселению не в тех местах, где им предписывалось переселенческим ведомством, а в наиболее плодородных местностях Сибири, и прежде всего на Алтае (Белянин, 2011). М.К. Чуркин в статье о социально-психологических типах переселенцев в Сибири относит самовольных мигрантов к категории переселенцев, наиболее подверженных воздействию адаптивных барьеров и имевших крайне ограниченные адаптационные возможности (Чуркин, 2013: 26–27).

В литературе специально не рассматривалась проблема хозяйственной адаптации самовольных переселенцев в Сибири на основе анализа материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г.

4. Результаты

Согласно сведениям, содержащимся в базе данных, безнадельными являлись 19,7 % от всех зафиксированных в ходе сельскохозяйственной переписи 1917 г. хозяйств столыпинских переселенцев, проживавших в Алтайском округе, тогда как среди переселенцев второй половины XIX века доля безнадельных хозяйств была в два раза ниже – 9,6 %.

Приток в Алтайский округ большого количества самовольных мигрантов, не имевших права на получение земельных наделов, обусловил широкое распространение среди столыпинских переселенцев потребительской аренды земли. Непричисленные переселенцы арендовали землю у крестьян-старожилов, наделенных землей переселенцев и из фонда кабинетских земель. К аренде земли прибегали 70 % безнадельных хозяйств столыпинских переселенцев, которые арендовали в среднем по 8,2 дес. на хозяйство. Безнадельные составляли 42,8 % от общего числа арендовавших землю хозяйств столыпинских переселенцев, и на их долю приходилось около 40 % всей арендуемой мигрантами этого периода земли (Таблица 1).

Как видно из данных Таблицы 1, аренда из-за нужды, обусловленная отсутствием собственной наделной земли, среди столыпинских переселенцев получила значительно более широкое распространение, чем среди двух других поселенческих групп алтайского крестьянства – старожилов и переселенцев достолыпинского времени (вторая пол. XIX в. – 1906 г.), у которых на долю безнадельных хозяйств приходилось соответственно лишь 3,9 % и 16,5 % всей арендуемой крестьянами этих поселенческих групп земли.

Таблица 1. Аренда земли безнадельными хозяйствами в сравнении по различным поселенческим группам крестьян Алтайского округа (Крестьянские хозяйства..., 2009)

Поселенческие группы крестьян	Хозяйства, арендовавшие землю, процент от общего числа хозяйств данной поселенческой группы	Доля безнадельных в составе арендующих хозяйств, %	Арендовано безнадельными хозяйствами земли, % от общего фонда земель, арендованных крестьянами данной поселенческой группы
Столыпинские переселенцы	32,2	42,8	38,2
Переселенцы второй пол. XIX в. – 1906 г.	34,7	19,6	16,5
Старожилы	26,0	5,9	3,9

Анализ сведений, содержащихся в базе данных, показывает, что аренда земли непричисленными переселенцами в Алтайском округе имела преимущественно земледельческий характер: 2/3 арендуемых земель использовались ими под пашню, а остальные – под сенокосы и приусадебные участки. Более 2/3 всех семей непричисленных переселенцев (68,2 %) имели посеы на арендованных землях, средний размер которых составлял 4,4 дес.

Следовательно, преобладающая часть не получивших земли самовольных мигрантов стремилась использовать средства, вырученные от продажи земли и имущества на родине или заработанные на новом месте водворения продажей своих рабочих рук, для аренды земельных участков под земледелие. Это давало переселенческим семьям возможность не только прокормиться, но и получить формальные основания (ведение сельского хозяйства и домообзаводство) для причисления к сельскому обществу и наделения землей в ходе проводившегося в округе землеустройства.

Для мигрантов, решавших проблему хозяйственного обустройства в Алтайском округе, земледелие в целом было приоритетным, по сравнению с животноводством, хозяйственным занятием, дававшим возможность в силу быстрой оборачиваемости вкладываемых в эту отрасль капиталов в более короткий срок прирастить вложенные средства и создать тем самым основу для дальнейшего роста производственной базы хозяйств, в том числе и наращивания поголовья скота. На ментальном уровне императивы такого хозяйственного поведения крестьян-мигрантов могли также определяться «голодным» характером землепользования основной массы переселенцев на родине, ставшим главной побудительной причиной к переселению, стремлением воспользоваться открывавшимися в многоземельной Сибири перспективами роста благосостояния на основе расширения запашки земель.

Стремилась арендовать землю под посевы даже те переселенческие хозяйства, которые не имели средств производства, необходимых для ее обработки: почти 2/3 более трети хозяйств самовольных столыпинских переселенцев (62,4 %), у которых при проведении сельскохозяйственной переписи 1917 г. были зафиксированы посевы на арендованной земле, не имели собственных плугов, а 19,5 % – рабочего скота.

Анализ содержащихся в базе данных сведений, позволяющих оценить интенсивность хозяйственного использования пахотных земель различными категориями крестьян Алтайского округа, показывает, что непричисленными переселенцами пахотные земли использовались с большей хозяйственной нагрузкой, чем переселенцами, наделенными землей, и старожилами (Таблица 2).

Таблица 2. Распределение пахотных земель по категориям использования в сравнении с различными поселенческими группами крестьян Алтайского округа, в % (Крестьянские хозяйства..., 2009)

Категории использования пахотных земель	Непричисленные столыпинские переселенцы	Столыпинские переселенцы в целом	Переселенцы второй пол. XIX в.-1906 г.	Старожилы
Посев	71,7	52,9	45,9	45,2
Залежь	23,3%	41,4	46,4	46,6
Пар	5,0%	5,7	7,7	8,2

Если старожилы и переселенцы достолыпинского периода большую часть пахотной земли оставляли под залежь и пар, что в целом соответствовало традиционной для Сибири паро-залежной системе земледелия, то у непричисленных столыпинских переселенцев под посевами было занято более 2/3 (71,7 %) пашни, что свидетельствовало об их стремлении к гораздо более экстенсивному использованию пахотных земель в сравнении с крестьянами других групп. Выявленное отличие в соотношении площади засеваемых и залежных земель можно квалифицировать как проявление одного из элементов адаптационной стратегии самовольных мигрантов столыпинского периода, стремившихся к максимальному вовлечению в хозяйственный оборот арендованной земли с тем, чтобы получить в течение как можно более короткого срока средства, необходимые для дальнейшего хозяйственного и бытового обустройства.

Конечно, такое использование непричисленными переселенцами арендованных пахотных земель в известной мере имело хищнический характер, поскольку не сопровождаемое затратами на улучшение качества обрабатываемой земли (внесение удобрений и пр.), неизбежно приводило к снижению плодородия почв. Однако такой тип хозяйствования для непричисленных переселенцев имел вынужденный характер, порождаясь стремлением ускорить процесс хозяйственного и бытового обустройства в условиях отсутствия у них собственных земельных наделов.

О преобладании в хозяйственной практике самовольных мигрантов мотива выживания свидетельствуют данные Таблицы 3, отражающей результаты распределения хозяйств различных поселенческих групп алтайского крестьянства по размерам посевов. Они показывают практически

полное отсутствие среди них крупнопосевных хозяйств (с посевом от 12 до 25 дес.) и хозяйств, занимавшихся земледелием с предпринимательскими целями (с посевом более 25 дес.), и, наоборот, наличие значительно большей, чем среди других групп крестьянства, доли беспосевных хозяйств и хозяйств с посевом до 4 дес. (бедняцких). Средний размер посева на одно хозяйство у безнадельных мигрантов составлял 4,0 дес., тогда как у получивших земельные наделы переселенцев столыпинского периода он был в 2,4 раза больше – 9,7 дес.

Таблица 3. Группировка хозяйств алтайских крестьян, принадлежавших к различным поселенческим группам, по размерам посева (Крестьянские хозяйства..., 2009)

Группы хозяйств по размерам посева	Безнадельные Столыпинские переселенцы	Столыпинские переселенцы с наделами	Переселенцы второй пол. XIX в. –1906 г.	Старожилы
Беспосевные	31,8	5,5	8,3	12,4
С посевом:				
До 4 дес.	42,7	28,3	25,9	36,7
От 4 до 12 дес.	22,3	41,5	40,4	38,3
От 12 до 25 дес.	2,6	18,9	19,7	10,9
Более 25 дес.	0,6	5,8	5,7	1,7
Итого:	100	100	100	100

Стратегия хозяйственной адаптации самовольных мигрантов включала также активное занятие промыслами как источником получения средств, необходимых для хозяйственного и бытового обустройства. Анализ содержащихся в базе данных сведений о промысловых занятиях показывает, что в различных видах промыслов принимало участие 14,2 % всех трудоспособных (в возрасте от 16 до 60 лет) самовольных мигрантов, переселившихся на Алтай в столыпинский период, тогда как среди причисленных переселенцев этот показатель составлял лишь 4,7 %. При этом у непричисленных переселенцев была более высокой доля промысловиков, которые участвовали в промыслах как наемные работники: 64,5 % против 54,4 % у легальных мигрантов. Наиболее распространенными промыслами самовольных переселенцев были отнесенный программой переписи к разряду промысловых занятий наем на сельскохозяйственные и «черные» работы (соответственно 38,0 % и 5,8 % от общего числа лиц, у которых в ходе переписи были зафиксированы промысловые занятия), портняжный (7,8 %), сапожный (6,0 %) и плотницкий (5,9 %) промыслы (Таблица 4).

Таблица 4. Распространенность различных видов промыслов у самовольных мигрантов столыпинского периода в сравнении с легальными переселенцами и старожилками (Крестьянские хозяйства..., 2009)

Название промыслового занятия	Безнадельные столыпинские переселенцы	Столыпинские переселенцы с наделом	Старожилы	Название промыслового занятия	Безнадельные столыпинские переселенцы	Столыпинские переселенцы с наделом	Старожилы
Сельхоз-работник	26,4	38,3	24,0	Пимокат	2,2	1,5	0,4
Пастух	6,7	4,0	1,5	Кузнец	1,9	8,7	3,4
Черно-работчий	5,8	0,7	5,2	Маслодел	1,5	1,7	0,6
Батрак	3,0	1,0	1,1	Овчинник	1,5	1,0	-
Поденщик	1,9	0,3	1,1	Бондарь	1,5	1,7	0,6
Портной	7,8	2,2	1,2	Слесарь	1,5	1,0	0,6

Сапожник	6,0	4,7	2,5	Печник	1,1	0,5	0,1
Плотник	5,9	8,7	7,6	Пчеловод	0,4	0,2	12,6
Мельник	2,6	0,5	3,2	Рыбак	0	0	4,3
Торговец	2,6	1,5	2,3	Охотник	0	0,2	2,6
Столяр	2,2	2,2	0,6	Др.занятия	17,9	18,6	24,4
Учитель	2,2	0,8	0,1	Всего:	100	100	100

Следовательно, стратегия хозяйственной адаптации самовольных переселенцев периода столыпинских реформ включала широкое использование такого наиболее доступного способа получения средств для существования и хозяйственно-бытового обустройства в новой среде обитания как продажа труда членов их семей, нанимавшихся для работы в хозяйства старожилов и на действовавшие в сельской местности промышленные заведения (мельницы, маслодельни, кожевни и пр.).

Анализ промысловых занятий самовольных мигрантов показывает также довольно значительное представительство в их среде лиц, являвшихся носителями дефицитных для сибирского региона профессий – портной, сапожник, плотник, столяр, учитель и др. Видимо, многие из обладателей этих профессий переселялись в Сибирь не для занятия земледелием, а в надежде на более успешное развитие своих промыслов и профессиональных занятий в условиях более низкоконтурной, по сравнению с регионами Европейской части страны, экономической среды. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что многие из них вообще не обзаводились посевами (переписью не зафиксированы посеы у 25 % семей непричисленных переселенцев, главы которых занимались портняжным промыслом, у 31 % семей кожевников, 50 % мельников, 67 % маслоделов и т.д.), либо арендованные земельные участки возделывались трудом членов семьи, в то время как домохозяйства всецело сосредотачивались на своих профессиональных ремесленных занятиях.

Некоторые имевшие промысловые занятия непричисленные переселенцы были зарегистрированы в ходе переписи как владельцы промышленных и торговых заведений. Так, М.С. Попов, переселившийся в 1907 г. из Пермской губернии, основал в с. Волчиха Покровской волости Славгородского уезда кожевенное заведение, для работы в котором нанимал 5 рабочих. Переселившийся из Херсонской области предприниматель А.Я. Бахман открыл на хуторе в Киргизской волости Змеиногорского уезда маслобойный завод, мигрировавший в 1907 г. из Костромской губернии А.Н. Бухалов содержал в с. Усть-Чарышское Пристанской волости Бийского уезда пимокатную мастерскую, переселенец из Вятской губернии Д.И. Чурин – овчинную мастерскую в с. Ильинское Песчанской волости Бийского уезда и т.д. Были среди непричисленных переселенцев и держатели торговых заведений: выходец из Тамбовской губернии А.Е. Нестеров открыл лавку в с. Усть-Чарышское, переселенец из Полтавской губернии Т.И. Рубченко – в с. Усть-Порозинское Чарышской волости Змеиногорского уезда, мигрировавший из Вятской губернии Ф.П. Чудиновских – в с. Черемушкино Талицкой волости Барнаульского уезда. М.С. Попов, указанный выше как владелец кожевенного завода в с. Волчиха, содержал в этом селе и мануфактурный магазин ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Сведения, содержащиеся в [Таблице 4](#), свидетельствуют о слабой вовлеченности столыпинских переселенцев (как самовольных, так и легальных) в такие традиционные для Сибири промыслы, как пчеловодство, охота и рыболовство, что характеризует их недостаточную «вживаемость» в новую природно-географическую среду обитания. У старожилов этими видами промыслов занимались 19,5 % зарегистрированных переписью промысловиков, а у столыпинских переселенцев – лишь 0,4 %.

Таблица 5. Экономические показатели хозяйств самовольных мигрантов в зависимости от времени поселения ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Экономические показатели	Время поселения	
	1907–1909 гг.	1910–1914 гг.
Средний посев на 1 хоз-во, дес.	4,8	3,7
Беспосевных хоз-в, в %	26,9	32,5
Голов рабочего скота на 1 хоз-во	2,2	2,0
Хозяйств без рабочего скота	32,0	39,5
Хозяйств, имевших плуги, в %	28,7	22,3
Голов КРС на 1 хоз-во	3,5	3,0
Хоз-в, не имевших КРС, в %	34,0	38,0
Коров на 1 хоз-во	1,9	1,7
Бескоровных хозяйств, в %	26,3	31,8
Овец на 1 хоз-во	7,6	7,3
Хоз-в, не имевших овец, в %	75,4	84,7

Самовольные мигранты, не сумевшие закрепиться в Сибири, составляли основную массу возвращавшихся на родину обратных переселенцев (*Записка председателя...*, 2011: 12–13). Вместе с тем анализ данных, отражающих изменение экономической мощности хозяйств самовольных мигрантов с увеличением времени их проживания в местах нового поселения (*Таблица 5*), свидетельствует о положительной динамике процесса их интеграции в новую среду обитания и хозяйственной деятельности. Различные показатели, отражающие уровень хозяйственной состоятельности самовольных мигрантов, водворившихся в Алтайский округ в 1907–1909 гг., в период наиболее интенсивных миграций, на 10–25 % превосходили соответствующие показатели хозяйств мигрантов 1910–1914 гг.

5. Заключение

Таким образом, проведенный на основе первичных материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. анализ экономического поведения самовольных мигрантов, прибывавших в период столыпинских реформ в Алтайский округ, позволяет выделить следующие важнейшие элементы их адаптационной хозяйственной стратегии:

- активная аренда сельскохозяйственных угодий у старожилов и из фонда кабинетских земель;
- более экстенсивное, по сравнению с легальными переселенцами и старожилами, хозяйственное использование пахотных земель за счет расширения посевов и сокращения залежи и пара;

- активное использование такого источника получения средств, необходимых для выживания, аренды земли и дальнейшего хозяйственного и бытового обустройства, как наем на работу в хозяйства старожилов;

- ориентация части самовольных мигрантов на адаптацию в новой среде обитания за счет доходов от дефицитных в Сибири ремесленных занятий и промыслов (портняжный, сапожный, плотницкий и пр.).

В хозяйственной деятельности основной массы непричисленных переселенцев доминировали мотивы и устремления, направленные на выживание в новой среде обитания, вместе с тем в состав этой категории мигрантов входили и некоторые зажиточные элементы, представленные владельцами промышленных и торговых заведений, открываемых в сельской местности; а также профессиональные ремесленники, переселявшиеся в Сибирь в расчете на успешную деятельность в условиях более низкоконтурной, чем на родине, экономической среды.

Хотя именно самовольные мигранты составляли основную часть обратных переселенцев, потерпевших неудачу в попытках адаптироваться в новых природно-географических и социальных условиях, анализ изменений в уровне материальной обеспеченности хозяйств самовольных мигрантов, происходивших с увеличением времени их проживания в новых местах поселения, позволяет говорить о положительной динамике в хозяйственной адаптации этой категории переселенцев. Возможности для успешной адаптации самовольных мигрантов существенным образом повышались в случае наделения их землей в ходе проводившегося в Алтайском округе землеустройства.

Литература

- Алферов, 1958** – Алферов М.С. Крестьянство в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1958. 68 с.
- Белянин, 2011** – Белянин Д.Н. «Непричисленные» переселенцы Западной Сибири в 1906–1914 гг. // Вестник Томского университета. Сер. История. 2011. № 2(14). С. 102–105.
- Гончарова, 2006** – Гончарова Т.А. История Нижнего Притомья в контексте межэтнической коммуникации (XVII – начало XXI вв.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. 226 с.
- ГААК** – Государственный архив Алтайского края.
- Записка председателя...** – Записка председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. Барнаул: СЛОВО, 2011. 139 с.
- Кауфман, 1908** – Кауфман А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь: ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 79–140.
- Коровушкин, 2006** – Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии, 2006. 200 с.
- Крестьянские хозяйства...** – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / Сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.
- Липинская, 1996** – Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996. 296 с.
- Минжуренко, 1982** – Минжуренко А.В. Внутринадельное размежевание в переселенческих поселках Западной Сибири в годы столыпинской аграрной реформы // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. – 1917 г.). Красноярск, 1982. С. 40–54.

Ноздрин, 2007 – Ноздрин Г.А. Сроки и механизмы адаптации переселенцев Сибири в конце XIX – начале XX века // *Адаптационные механизмы и процессы в традиционных и трансформирующихся обществах*. Вып. 2. Новосибирск, 2007. С. 20–38.

Огановский, 1914 – Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. III: Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. I: Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914. 321 с.

Островский, 1991 – Островский И.В. Аграрная политика в Сибири в период империализма. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1991. 308 с.

Разгон и др., 2013 – Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.

Скляр, 1962 – Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. 586 с.

Соловьева, 1991 – Соловьева Е.И. Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма (историография и источники изучения проблемы // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: НГПИ, 1991. С. 3–26.

Степанин, 1962 – Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. 561 с.

Цифровые данные, 1916 – Цифровые данные по учету сельского населения при поземельном устройстве Алтайского округа. Барнаул: Издание Алтайского землеустройства, 1916. 173 с.

Чуркин, 2006 – Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.

Чуркин, 2013 – Чуркин М.К. Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев черноземного центра Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 18–30.

Шелегина, 2001–2002 – Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.). М.: Логос, 2001–2002. Вып. 1–2.

Шкунов, 1911 – Шкунов М. Заселение Алтайского округа // *Вопросы колонизации*. 1911. № 9. С. 91–127.

References

Alferov, 1958 – Alferov M.S. (1958). Krest'yanstvo v Sibiri v 1917 g. [The peasantry in Siberia in 1917]. Novosibirsk. 68 p. [in Russian]

Belyanin, 2011 – Belyanin D.N. (2011). «Neprichislennye» pereselency Zapadnoj Sibiri v 1906–1914 gg. ["Unaccounted" migrants of Western Siberia in 1906–1914]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 2 (14), pp. 102–105 [in Russian]

Churkin, 2006 – Churkin M.K. (2006). Pereseleniya krest'yan chernozemnogo centra Evropejskoj Rossii v Zapadnyu Sibir' vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migracionnoj mobil'nosti i adaptacii [Resettlement of peasants of the black earth center of European Russia in Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: determining factors of migration mobility and adaptation]. Omsk: Publishing house of the Omsk State Pedagogical Institute. 376 p. [in Russian]

Churkin, 2013 – Churkin M.K. (2013). Adaptivnaya situaciya, bar'ery i strategii povedeniya pereselencev Chernozemnogo centra Evropejskoj Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Adaptive situation, barriers and strategies of behavior of the resettlers of the black earth Center of European Russia (the second half of XIX –beginning of XX century)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. № 1, pp. 18–30 [in Russian]

Cifrovye dannye, 1916 – Cifrovye dannye po uchetu sel'skogo naseleniya pri pozemel'nom ustrojstve Altajskogo okruga [Digital data on the calculation of rural population in the Altay region's land survey]. Barnaul, 1916. 173 p. [in Russian].

ГААК – Gosudarstvennyi arkhiv Altajskogo kraja [State Archive of the Altai Territory].

Goncharova, 2006 – Goncharova T.A. (2006). Istoriya Nizhnego Pritom'ya v kon-tekste mezhehtnicheskoy kommunikacii (XVII – nachalo XXI v.) [History of Lower Pritom in the context of interethnic communication (XVII – beginning of the XXI century)]. Tomsk: Publishing house of Tomsk University. 226 p. [in Russian]

Kaufman, 1908 – Kaufman A. (1908). Zemel'nyj vopros i pereselenie [The Land Question and Resettlement]. *Sibir: Its Current State and Needs*. St. Petersburg, pp. 79–140 [in Russian]

Korovushkin, 2006 – Korovushkin D.G. (2006). Oчерки etnokul'turnoj adaptacii pozdnyh pereselencev v Zapadnoj Sibiri [Essays on the ethnocultural adaptation of late settlers in Western Siberia]. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography. 200 p. [in Russian]

Krest'yanskije hozyajstva... – Krest'yanskije hozyajstva Altajskoj gubernii v 1917 g. [Peasant farms in the Altai province in 1917] [Electronic resource]: data base. Comp. V.N. Razgon, D.V. Koldakov, K.A. Pozharskaya. Barnaul: Altai State University, 2009. CD-ROM. State registration number 2009620044 [in Russian].

Lipinskaya, 1996 – Lipinskaya V.A. (1996). Starozhily i pereselency: Russkie na Altae. XVIII – nachalo XX veka [Old residents and migrants: Russians in the Altai. XVIII – the beginning of the XX century]. Moscow: Nauka. 296 p. [in Russian]

Minzhurenko, 1982 – Minzhurenko A.V. (1982). Vnutrinadel'noe razmezheva-nie v pereselencheskih poselkakh Zapadnoj Sibiri v gody stolypinskoj agrarnoj reformy [Land demarcation in the resettlement settlements of Western Siberia during the Stolypin agrarian reform]. *Agrarnye otnosheniya i zemel'naya politika tsarizma v Sibiri (konets XIX v.–1917 g.)*. Krasnoyarsk, pp. 40–54 [in Russian]

Nozdrin, 2007 – Nozdrin G.A. (2007). Sloki i mekhanizmy adaptacii pereselenцев Sibiri v konce XIX – nachale XX veka [Terms and mechanisms for the adaptation of Siberian migrants in the late XIX – early XX century]. *Adaptatsionnye mekhanizmy i protsessy v traditsionnykh i transformiruyemykh obshchestvakh*. Issue 2. Novosibirsk, pp. 20–38 [in Russian]

Oganovskij, 1914 – Oganovskij N.P. (1914). Zakonomernost' agrarnoj ehvolucii. T. III: Obnovlenie zemledel'cheskoj Rossii i agrarnaya politika. Vyp. I: Naselenie. Pereselencheskij vopros [Regularity of agrarian evolution. T. III: Updating agricultural Russia and agrarian policy. Issue I: The population. The resettlement question]. Saratov. 321 p. [in Russian]

Ostrovskij, 1991 – Ostrovskij I.V. (1991). Agrarnaya politika v Sibiri v period imperializma [Agrarian policy in Siberia during the period of imperialism]. Novosibirsk: Publishing house of Novosibirsk University. 308 p. [in Russian]

Razgon et al., 2013 – Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A. (2013). Stolypinskie migranty v Altajskom okruge: reselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: The ABC, 348 p. [in Russian]

Shelegina, 2001–2002 – Shelegina O.N. (2001–2002). Adaptatsiya russkogo naseleniya v usloviyah osvoeniya territorii Sibiri (Istoriko-etnograficheskie aspekty. XVII–XX vv.) [Adaptation of the Russian population in conditions of development of the territory of Siberia (Historical and ethnographic aspects, XVII – XX centuries)]. M.: Logos. Issues 1–2. [in Russian]

Shkunov, 1911 – Shkunov M. (1911). Zaseleeniye Altajskogo okruga [Population of the Altai Region]. *Voprosy kolonizacii*. № 9, pp. 91–127 [in Russian]

Sklyarov, 1962 – Sklyarov L.F. (1962). Pereselenie i zemleustrojstvo v Sibiri v gody stolypinskoj agrarnoj reformy [Resettlement and land management in Siberia in the years of the Stolypin agrarian reform]. L.: Leningrad University Publishing House. 586 p. [in Russian]

Solov'eva, 1991 – Solov'eva E. I. (1991). Vliyanie pereselenij na social'no-ehkonomicheskoe razvitiye Sibiri v ehpohe kapitalizma (istoriografiya i istochniki izucheniya problem) [Influence of resettlements on the social and economic development of Siberia in the era of capitalism (historiography and sources of the study of the problem)]. *Vliyanie pereselenij na social'noe i ehkonomicheskoe razvitiye Sibiri v ehpohe kapitalizma*. Novosibirsk: Publishing house of the Novosibirsk State Pedagogical Institute, pp. 3–26 [in Russian]

Stepynin, 1962 – Stepynin V.A. (1962). Kolonizatsiya Enisejskoj gubernii v epokhu kapitalizma [Colonization of the Yenisei province in the era of capitalism]. Krasnoyarsk. 561 p. [in Russian]

Zapiska predsedatelya... – Zapiska predsedatelya Soveta ministrov i Glavnoupravlyayushchego zemleustrojstva i zemledeliem o poezdke v Sibir' i Povolzh'e v 1910 g. [Memorandum by the Chairman of the Council of Ministers and the Chief Executive of Land Management and Agriculture on his trip to Siberia and Volga region in 1910]. Barnaul: SLOVO, 2011. 139 p. [in Russian]

Стратегия хозяйственной адаптации самовольных переселенцев в Алтайском округе в период стольпинских реформ

Виктор Николаевич Разгон ^{a, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. раскрывается стратегия хозяйственной адаптации самовольных переселенцев в Алтайском округе в период стольпинских реформ.

Одним из элементов этой стратегии было более экстенсивное хозяйственное использование пахотных земель (в основном арендованных) по сравнению со старожилами и легальными

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)

переселенцами. Если старожилы половину пахотной земли оставляли под залежь и пар, что в целом соответствовало традиционной для Сибири системе земледелия, то у самовольных мигрантов под посевами было занято более 2/3 (71,7 %) пахотных земель. Стратегия хозяйственной адаптации самовольных переселенцев включала активное занятие дефицитными в Сибири ремеслами (портняжным, сапожным, плотницким и др.), а также использование такого способа выживания в новых природно-географических условиях и накопления средств для дальнейшего хозяйственного и бытового обустройства, как найм для работы в хозяйствах старожилов.

Автор приходит к заключению, что, хотя в экономической стратегии самовольных мигрантов доминировали мотивы выживания, рост мощности их хозяйств с увеличением времени проживания свидетельствует о положительной динамике процесса интеграции в новую среду обитания.

Ключевые слова: крестьянство, миграции, столыпинские реформы, адаптация, Сибирь, Алтайский округ.